

Дворец Чанцю.

Ци Ди Хуо Чанъюнь выглядел холодным и сидел перед столом, сосредоточенно просматривая мемориал. Когда Линь Ваньнин увидела эту сцену за дверью, она не могла не облегчить свои шаги. Она подмигнула официанту, стоявшему у Хуо Чанъюня, а затем вошла, приподняв юбку...

Сладкий аромат наполнил воздух, и Хуо Чанъюнь медленно поднял глаза, чтобы встретиться с нежной улыбкой Линь Ваньнин.

"Ваше Величество в эти дни были заняты государственными делами, и вы не хотите есть и пить. Ваша наложница очень беспокоится". Линь Ваньнин притворился сердитым и протянул Хуо Чанъюню чашку тушеного сюэяня с золотым жужубом.

Увидев это, выражение лица Хуо Чанъюня ослабло, а темные глаза слегка заблестели. Он слабо улыбнулся и протянул руку, чтобы взять чашку с супом: "Это моя вина, и королева волнуется".

Но Линь Ваньнин опередила его, она сделала несколько шагов, подошла ближе, взяла ложку, медленно зачерпнула ложку прозрачного и ароматного сладкого супа и поднесла ее к губам Хуо Чанъюня... Когда Хуо Чанъюнь уже собирался открыть рот, темно-синяя фигура сторбилась и приблизилась издали, она стояла снаружи зала в оцепенении, не решаясь войти в зал.

"Цуй Фэн." Хуо Чанъюнь убрал свою улыбку и холодно сказал: "Входи".

Услышав это, Цуй Фэнчжи, который был снаружи зала, вошел в зал, но он выглядел немного обеспокоенным. Когда он вошел, он споткнулся и чуть не упал... Он дважды пошатнулся и опустился на колени перед столом. Дрожащим голосом он сказал: "Видите ли, Ваше Величество, рабы должны умереть, пожалуйста, простите меня!".

Цуй Фэн обеими руками поднял над головой брачный указ, но лбом уперся в землю, не смея поднять его.

Хуо Чанъюнь в душе все понимал, но все же легкомысленно сказал: "Продолжайте говорить."

"Да... После того, как слуга объявил указ, Его Высочество наследный принц не сказал ни слова и отказался принять приказ." В всегда пронзительном голосе Цуй Фэна звучал ужас: "Слуга хотел попросить наследную принцессу принять указ от его имени. Указ, но прежде чем слуги закончили говорить, Его Королевское Высочество, Его Королевское Высочество, он послал людей, чтобы выгнать слуг..."

В зале воцарилась полная тишина, а дворцовые служанки и слуги, стоявшие по обе стороны, не осмеливались даже выпустить воздух, боясь, что их случайно обожжет гнев императора.

Лицо Линь Ваньнин тоже не отличалось приятным выражением. Она краем глаза взглянула на Хуо Чанъюня, а затем приказала залу: "Всем отойти".

Все вздохнули с облегчением, особенно Цуй Фэн, который несколько раз хлопнул головой о пол, встал и, дрожа, вышел из зала.

Линь Ваньнин слегка благословила Хуо Чанъюня, нахмутив брови: "Ваше Величество, слова и дела принца в последние годы становятся все более непримечательными. Неужели Его Величество хочет позволить ему быть таким?"

Говоря, она смотрела в глаза Хуо Чанъюню, но его взгляд был холодным, и в нем больше не

было видно никаких эмоций.

Выдержав паузу, Линь Ваньнин продолжила: "Ваше Величество забыли? Перед тем, как Сюй'эр отправилась в Лиди, вы сказали..."

"Я не забыл. Королеве не стоит беспокоиться, я организую для него путешествие Сюй'эр". Хуо Чаньюнь сказал глубоким голосом: "Просто положение кронпринца было лично установлено покойным императором. Трон передается Сюй'эр, и это потребует много работы".

"Да, наложница понимает". тепло сказала Линь Ваньнин.

Выйдя из дворца Чанцю, под лучи теплого зимнего солнца, ветерок обдувал щеки Линь Ваньнин.

- Но ее сердце было ледяным.

Глаза феникса слегка сузились, а уголок рта Линь Ваньнин вызвал слабую улыбку. Ее муж - самый героический король в мире, но и самый подлый человек. Даже если Хуо Чаньюнь неоднократно обещал Сюй'эр стать его преемником в будущем, Линь Ваньнин не была полностью уверена в этом.

Пока Сюй'эр не взошла на трон, она не будет относиться к этому легкомысленно.

Не была ли прежняя королева, биологическая мать Хуо Ду, обманута им?

В это время Хуо Чаньюнь, сидевший перед письменным столом с суровым лицом, все сильнее улыбался своими лаковыми глазами.

-- Его сын, который стал хладнокровным после того, как сам искалечил себе ногу, похоже, теперь имеет слабость?

Как отец, Хуо Чаньюнь считал, что это хорошо; но как король Ци, это было не очень хорошо.

Перед его глазами возник облик Хуо Ду, и эти брови постепенно наложились на лицо Цинцзюэ в глубине его памяти... Он все еще больше походил на свою мать.

Хуо Чаньюнь скривил губы.

Через некоторое время выражение его лица вновь стало торжественным, как будто он никогда не улыбался.

"Принц Сюань вошел во дворец".

Без всякого выражения на лице он холодно приказал.

Новость об отказе Хуо Ду принять указ о браке быстро достигла резиденции Тайвэй.

Услышав шепот служанки, Линь Юйсян, примерявшая в спальне свадебное платье Гао Цзин, вмиг утратила радостное выражение лица, и ей показалось, что ее окунули в таз с ледяной водой.

Очень холодно.

Как такое может быть?

Линь Юйсян не могла в это поверить. Старший брат принца даже хотел жениться на принцессе, взошедшей на трон, но теперь он будет сопротивляться указу не жениться на ней.

Что уж говорить о том, что в прошлом она не особо общалась с братом принца, а между Кола Чжи и ним не было и следа общения. Он будет сопротивляться указу, должна быть причина.

Может ли быть что-то невыразительное в брате принца? Или же Ле Чжи разыграл какие-то кокетливые трюки, чтобы заставить брата принца сопротивляться указу.

Подумав об этом, Линь Юйсян почувствовала беспокойство.

После того, как она дождалась одобрения отца и тети, она больше не могла ждать. В прошлом она была одержима этикетом благородной девушки, поэтому каждый раз, когда видела его, не решалась подойти и сказать ему хоть слово.

Она всегда стояла сбоку, позади него, и молча наблюдала за ним.

Линь Юйсян поняла, что она уже потеряла слишком много времени, и ее может опередить женщина, стоящая рядом с ней. Поэтому ей нужно как можно скорее исправить эту ошибку.

Она отбросила скромность и застенчивость своей дочери. Она должна пойти и показать свое сердце брату принца, она никогда больше не должна упустить это!

Шаг за шагом.

Линь Юйсян глубокомысленно взглянула на свадебное платье в своей руке, затем слегка приподняла юбку и выбежала из дома.

Старший брат принца, потерявший мать с детства, был неразговорчив и одинок. А она, Линь Юйсян, - самое яркое солнце летом, только она может согреть его и позволить ему больше не погружаться во тьму.

Особняк принца.

С тех пор как посланцы Хуо Ду выгнали из особняка евнуха Цуя, пришедшего объявить указ, атмосфера в особняке стала гораздо более подавленной.

- Сопротивление цели - не пустяковое дело.

Ле Чжи отодвинул служанку, стоявшую рядом с ним, и в одиночестве медленно последовал за Хуо Ду на задний двор.

На каменном столе во дворе все еще лежали несобранные чайные листья и сушеные птичьи гнезда...

Перед приходом Цуй Фэна она попросила Цзин Синь и Лин Юэ купить всевозможные тонкие чайные листья и сушеные птичьи гнезда, высушенные рыбы челюсти. Затем, воспользовавшись на редкость хорошей погодой, тщательно изучила качество этих чаев на заднем дворе...

Даже Хуо Ду редко бывал в хорошем настроении и сопровождал ее неторопливо.

Но на мгновение спокойное и приятное состояние души исчезло.

"Продолжай." Хуо Ду поднял глаза и посмотрел на ошеломленную Ле Чжи со слабым выражением лица: "Разве она еще не закончила?"

"Что?"

Губы Ле Чжи Ин слегка разошлись, и она удивленно посмотрела на Хуо Ду.

--Неужели даже такое важное событие, как сопротивление указу, не является в его глазах пустяком? Неужели в мире нет ни одной вещи, способной вызвать волну в его сердце?

Со вздохом в глубине души Ле Чжи подошел к Хуо Ду и медленно сел на каменный стул.

Фарфоровый белый чайник на каменном столе кипел, издавая булькающие звуки.

Ле Чжи молча взял две пустые чашки и поставил их перед собой, затем взял немного розового чая и положил его в чашки. Затем взял чайник и налил воду в чашку. Налив воду в чашку, Ле Чжи стал немного рассеянным и беспокойным. Наливая воду в другую пустую чашку, она боковым зрением наблюдала за выражением лица Хуо Ду.

Но от этого бокового взгляда, чайник в его руке тоже опустился на полпути. Горячая вода полилась прямо на тыльную сторону другой руки Ле Чжи, которая лежала на каменном столе...

Ле Чжи почти мгновенно перевела взгляд назад, потому что на тыльную сторону ее руки легла холодная ладонь, и тут она увидела себя, льющую кипяток на тыльную сторону руки Хуо Ду!

Она как можно быстрее отодвинула чайник, но было уже поздно. Тыльная сторона холодной и белой руки Хуо Ду горела красным пламенем.

Ле Чжи расширил глаза и схватил его за руку, чувствуя в душе тревогу и волнение. Она подняла тыльную сторону его руки и внимательно осмотрела ее. Она протянула кончики пальцев, чтобы потрогать его, но боялась, что это причинит ему еще большую боль.

На какое-то время она даже забыла, что в мире существует такая вещь, как ошпаривающий крем.

"Больно?" Как только эти слова прозвучали, Ле Чжи был поражен придыханием в своем голосе.

Хуо Ду не ответил, просто серьезно посмотрел на ее выражение лица.

"Пойду принесу крем от ожогов". Ле Чжи встала и хотела поспешно уйти. Но Хао потянул ее за запястье, и с легким рывком она снова упала в объятия Хуо Ду.

"Почему ты отвлеклась?"

Ле Чжи поджал губы и слегка передвинул тело, чтобы не надавить на тыльную сторону руки: "Ваше Высочество отказывается принять приказ, будут ли неприятности?"

Хуо Ду слегка хихикнул и равнодушно поднял брови.

Ле Чжи слегка нахмурилась, она посмотрела на лаковые глаза Хуо Ду и на самобичевание в его глазах, в это время у нее было такое выражение, что она не решалась ничего сказать.

После минутного напряжения она наконец спросила: "Почему... почему ты хочешь сопротивляться указу?"

И тут она увидела, что улыбка на лице Хуо Ду исчезла. Он пристально посмотрел ей в глаза и спросил глубоким голосом: "Принц-наложник, вы хотите, чтобы я принял указ и женился на другой наложнице?".

Ле Чжи был ошеломлен.

она! Нет! Что!

Она просто спросила, почему.

Почему Хуо Ду всегда слепо интерпретирует ее смысл!

"Я не это имела в виду!" Ле Чжи обеспокоенно схватила его за руку и сказала немного сердитым тоном: "Я не разрешала тебе жениться на наложнице!"

Ее сердце забилося, она снова бессознательно повысила голос и повторила: "Я не позволяла тебе жениться на наложнице!"

Хуо Ду посмотрел на нее с застывшим взглядом, и в его сердце появилось очень интересное чувство. Он тихонько захихикал и сказал: "Ты не позволила мне жениться, поэтому я воспротивился указу".

Его тон был настолько естественным, что Ле Чжи была окружена и подсознательно кивнула.

Через некоторое время Ле Чжи отреагировала.

Нет, это было очевидно, почему она просила его сопротивляться указу. Как он мог сказать это так, будто она просила его сопротивляться!

Она не могла говорить с Хуо Ду, и не хотела снова попасть в его языковую ловушку. Он мог только пристально смотреть на него.

Ань Сюань торопливо шел издалека, глядя на фигуру обнимающихся двоих, немного не желая подходить. Но он должен был подойти, чтобы доложить о сказанном, поэтому ему пришлось наклонить голову и идти вперед.

"Ваше Высочество Ци, кто-то за пределами особняка просит вас о встрече".

Снежные щеки Ле Чжи слегка покраснели, а она все еще сидела в объятиях Хуо Ду. Это было действительно неприлично! Она толкнула Хуо Ду в плечо и хотела встать.

Но рука, обхватившая ее талию, сжалась еще крепче...

Хуо Ду не позволил ей встать, он лениво спросил "Кто?".

"Дочь капитана, госпожа Линь".

Услышав это, Ле Чжи застыл на месте.

Эта Лин Юйсян действительно нетерпелива. Разве она не знает, что если она, женщина, не покидавшая кабинет, опрометчиво придет в особняк принца, то это повредит ее репутации?

Хуо Ду недовольно посмотрел на Ань Сюаня: "Отстреливайся".

Ань Сюань нахмурился и беспомощно сказал: "Я использовал все методы, на которые способны мои подчиненные, но она просто не уходит. Кроме того, она все еще громко зовет тебя за дверью, это..."

Что Линь Юйсян будет звать?

Они очень ясны.

Глядя на Хуо Ду, лицо Ле Чжи становилось все более мрачным, и даже глаза цвета персика окрасились убийственными намерениями. Она медленно сказала: "Я разберусь с этим. Нехорошо, что она продолжает так шутить за дверью".

На этот раз Хуо Ду отпустил ее, и она плавно встала. Но он все еще держал ее за запястье и не отпускал.

Ле Чжи недоверчиво посмотрела на него.

"Не уходи". Хуо Ду поднял глаза, его взгляд был торжественным: "Я пойду".

В прошлый раз он не смог остановить нецензурную брань, сказанную этим человеком, неужели Ле Жи хочет, чтобы сегодня он снова это выслушал?

Шутка, ни за что.

"Но, разве ты не раздражаешь ее?" спросил Ле Жи.

"Да." медленно сказал Хуо Ду, его лакированные глаза наполнились убийственным намерением.

"Не надо, не надо..." Ле Чжи присел на корточки и слегка потер тыльную сторону раскаленной руки кончиками пальцев: "Она немного надоедлива, если Его Высочество действительно недоволен, он отругает ее несколькими словами, если нет, пусть Ань Сюань побьет ее два раза, если она все еще бредит. Убийство... забудь об этом, хорошо?"

Убийственное намерение постепенно угасло, и Хуо Ду поднял руку и погладил ее по голове. Затем он подошел к ней и с улыбкой спросил: "Нет ничего невозможного в том, чтобы не убивать ее... Но какой мне прок от такой неприятности?"

Ле Чжи пристально посмотрела ему в глаза, понимая, какие извилистые мысли роятся в его сердце.

- Этот человек никогда не потерпит даже маленькой потери.

Хорошо.

Она изогнула губы и улыбнулась, подмигнув ему, затем приблизила губы к его уху и сказала: "Я скажу тебе, когда ты разберешься с этим, принц... брат."